

И

поне, когда на Нижний Мамон опускаются сумерки, в местах, где пролегла царская дорога — Большой Черкасский тракт — творятся всякие странности. То, нарушая привычную тишину, в самую полночь вдруг загадочно зашуршат у обочины травы, то неизвестно откуда налетит ветер и, кажется, принесет глухой топот приближающегося экипажа, тихое позвякивание колокольчика, сонную ямщицкую песню без слов... Совсем оторопь берет, когда сквозь низкие облака пробьется луна, и в ее рассеянном сиянии встанет впереди полосатый верстовой столб. Встанет — и пропадет, снова появится — и опять исчезнет. В предрассветном же мареве вовсе открываются видения одно другого занятнее — то всадник во всем белом бесшумно пронесется мимо, то счастливый женский смех разольется и умолкнет за кустами, то раздадутся непонятные грозные окрики... Не успеешь прийти в себя, как из тумана выплывают тени построек: каретные сараи, конюшни, колодец с журавлем и желобом для водопоя, кузница с мерцающим огнем. Верь не верь глазам своим, а что-то подсказывает — никак почтовая станция... Но стряхнешь наваждение и видишь, что подходишь всего лишь к заброшенной колхозной ферме.

Примечательно, что по каждому такому случаю есть живые очевидцы, которые трижды божатся, что именно так, а не иначе, все и было. О них, о чудесах на тракте, может часами ведать и бессменный директор Нижемамонского музея крестьянского быта Николай Тихонович Кутепов. Как он при этом преобразается! Лихо смахивается с головы кепка, и короткая

стрижка серебрится ковыльной седойной, а глаза вспыхивают голубой искрой. Плечи расправляются, будто он в солдатском строю. В такие моменты лучше не перебивать Кутепова вопросами, а тем более высказывать сомнения — очень уж он красноречив и убедителен. Да и в самом-то деле, сколько разных тайн, сколько загадок хранит уже навечно затерянный в прошлом Большой Черкасский тракт! И одна из самых трогательных тайн-загадок — Александр Сергеевич Пушкин.

— Так проезжал ли Пушкин Нижний Мамон? Да, и еще раз да! — усиливает голос Кутепов и, взяв указку, ведет меня к карте, начертанной два века назад. — Не мог не проезжать. Причем дважды. Весной и осенью 1829 года. Вот она, единственная возможность добраться из Москвы на юг России — Большой Черкасский тракт, и вот она — Нижнемамонская почтовая станция, дальше большак уходит за село до хутора Ковылянского.

Коллежский секретарь Александр Пушкин в ту пору, как известно, попал в немилость властей. Не по службе, а за стихи. И он, горячая голова, презрев гонения, самовольно махнул на Кавказ, в действующую армию, осаждавшую Арзрум, можно сказать, под пули горцев. Последний губернский город Воронеж проехал спешно, без остановки: опасался ареста. «Наконец, — напишет он впоследствии, — увидел я воронежские степи...»

На третий день после Воронежа, очевидно, он подъезжает к Нижнему Мамону, обзревая наши воистину волшебные места. Справа — степь да степь кругом, слева — за Мамонкой, речкой, бушуют луга. Совсем рядом, то здесь, то там из-за зарослей тальника и осин заманчиво поблескивает Дон. Но встреча с ним у поэта будет уже на обратном пути...

Блеща средь полей широких,
Вот он льется! Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Тут я, да простит меня читатель, прерву Кутепова. Потешные все-таки эти люди, краеведы. Вот и Тихоня Тихоновича почти полвека знаю и не перестаю удивляться его неумности. Когда он в молодые годы ходил со своей женой Любашей по сельским дворам, собирая, на беглый взгляд, самый на-

стоящий хлам, многие считали это забавой. Мол, пройдет со временем. Не прошло.

Сельская библиотека, где работали Кутеповы, наполнялась и наполнялась старинными вещами, во всех закутках громоздились находки. Их тематические выставки невольно притягивали внимание посетителей! Все просто и знакомо, а ведь интересно! И уже сами односельчане по собственной воле стали подключаться к поиску всего, что имело отношение к прошлым векам. И вот однажды почтальон с перехваченным дыханием поспешила на второй этаж Дома культуры, где была библиотека.

— Чайник Пушкина нашелся! — выдала она с порога.

В народе давно ходила такая молва, что поэт, проезжая село, общался с нижнемамонским пастухом, и одарил его чайником.

— У кого? — не поверил ушам своим Кутепов.

— Да у бабки Насти Ефимьевой. В кои веки полезла на чердак старой хаты и под балку.

Кутепов сразу на велосипед и покатил к обладательнице чайника самого Пушкина...

— Так вот внимай и не перебивай, — рассказывает Николай Тихонович. — После Егорина дня это случилось. Дед Ефимьев с внуком пас коров в яру, который у нас Обвальней зовется. Не успеет снег сойти, а там всякие злаки вымахивают, как на дрожжах. К обеду стадо разговелось после зимнего поста, угомонилось и легло. Дед скомандовал внуку глядеть за ним, а сам поднялся на большак. В спину солнце греет, парко. Дед, опершись бородой на посох, стал подремывать. А очнулся и видит: несется по тракту в пыльном облаке тройка. Лошадиная упряжь, карета — все, как новенькое, золотом блестит. Бубенцы перезваниваются, будто в церкви. «Никак сам царь-батюшка», — смекнул дед, и испуг пронизал его с головы до пят. Раньше-то проезд царя глазеть черни не позволялось. Как ни пытался дед сдвинуться с места, убежать не получилось — окаменели ноги. Ничего не оставалось, как пасть на колени, и, осенив себя крестом, удариться челом оземь, да так, что котомка с плеча свалилась, и замер в недобром предчувствии. Слышит — тройка бег замедлила, а вскоре и вовсе стала. Уже кто-то в плечо его толкает, голос раздается:

— Чего тебе надобно, старче?

Дед с повинной:

— Смилуйся, государь! Ни слухом ни духом не ведал, что Высочество ваше проезжать будет.

— Не царь я, — слышится в ответ. — Встань, к лицу ли тебе, бороде, перед всяким проезжающим ниц падать.

Поднялся дед с колен, взглянул на путника — ликом он смуглый, волос чернявый, из-под панского котелка кучери выбиваются, взгляд лукавый, но не злобливый, руки ловкие тростью поигрывают.

— Не суди строго, барин, — кается дед. — Кто же ты будешь, ежели не царь?

— Не царь я, — повторяет путник. — Я поэт. Пушкин.

И дед ему на радостях:

— Не побрезгуй, добрый барин, моим угощением.

Достает из котомки жбанчик, травянойкой у нас зовется, в ней при любой жаре что наливо — прохладно. Выдергивает дед пробку из отбеленного полотна, и по краю горловинки запенился хлебный квас — сам просится, чтобы отведали. Отхлебнул его Пушкин и раз, и два в удовольствие. Пошел к карете, ямщику поднес. Дед осмелел, стал попытаться, далече ли барин путь держит.

— На Кавказ, к боевым товарищам, — отвечал Пушкин.

И дед-хитрован слезу смахивает и к нему с поклоном:

— Я сам из служивых. Вели, барин, нашему обществу лошадь мне выделить, пала моя.

— Не могу, — развел руками Пушкин. — Не при власти я.

Огорчился дед, но виду не подал, только Пушкина не проведешь. Приоткрыл он дорожный сундук, вынул оттуда посудину, раньше дедом не виданную:

— Возьми, старче, этот чайник в подарок от меня и не обижайся.

Поклонился дед Пушкину: ступай себе с Богом. Тот сел в карету и был таков. А подарок господский в руках дедовых остался. От необъяснимого сердечного волнения поднял Ефимьев стадо и потурил коров в село, ко дворам. Гордо семенил за стадом и всем, кого ни встречал, показывал крутобокий синий чайник с эмблемкой на донышке, с горлышком — будто тонкой длинной шейкой, как у птички, и ручкой железным коромысликом. На площади дед отдал чай-

ник внуку и велел нести его высоко над головой. Не умолкая, он повторял: «Самим Пушкиным чайник дарен».

...В конце встречи Николай Тихонович разливал по чашкам отвар целебных трав под стихи поэта:

Смеркалось. На столе блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая,
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Таниной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...

— Ну, ладно, обойдемся без мальчика, который сливки подавал.

— Рукой-то не Татьяной, — попытался уточнить я, — а Ольгиной.

— Да ладно тебе, знаю, что Ольга, но Татьяна Пушкину ближе.

— А что она делала?

— Э-э-э, задумавшись, моя душа прелестным пальчиком писала на отуманенном стекле заветный вензель О да Е.

— Все ясно. А чайник-то Пушкин, в самом деле, пастуху подарил?

— Что я тебе скажу: есть такая легенда, и пускай она будет. Суть-то не в чайнике, а в том, что Пушкин у нас в селе бывал. Это факт. Общался с нашими людьми, любопытствовал, не обижают ли баре. Донским воздухом, наконец, дышал. А мы, нижнемамонцы, им, Пушкиным, дышим. Сказительница Александра Костина изложила свою версию встречи поэта с пастухом. Раиса Турбина написала чапушки, которые полюбились сельской художественной самодеятельности. Николай Машкин, издавший два сборника собственных стихов, признавался, что в детстве засыпал под сказки Пушкина, которые, заметь, по памяти читала ему бабка Катерина. Да и сам участок исчезнувшего тракта от Обвальней до хутора Ковылянского теперь не царской дорогой, а Пушкинским шляхом называется.

И пусть иронизируют самые научные пушкиноведы, но легенда о чайнике так прижилась в здешних краях, что разрушить ее им не по силам. Сама народная молва захотела, чтобы было хоть мало-мальски какое, но вещественное доказательство пребывания Александра Сергеевича на нижнемамонской земле. А места, где хотя бы тень Пушкина мелькнула, говорят, святы.